

СТИЛПАВИН

И ЕГО ДРУЗЬЯ

Семён Уралов в гостях у Сергея Стиллавина на «Маяке» 27 октября 2026 г.

[Аудиозапись в Telegram-канале Семёна Уралова](#)

[Мах](#)

[Аудио на podster.fm](#)

Голос за кадром. Сергей Стиллавин и его друзья на «Маяке».

Сергей Стиллавин. Дорогие товарищи, вот такая история вышла. Я не являюсь журналистом, я публицист, ироничный публицист, но навыки журналистики помню ещё с детства своего раннего профессионального и иногда патрулирую враждебные соцсети, у меня есть специальный пропуск специальный. Я в комбинезоне специальном, и у меня есть огнетушитель за спиной и пропеллер. Я патрулирую в целях посмотреть, что там за кордоном. И вдруг увидел публикацию очень любопытную и понял, что без Семёна Сергеевича Уралова, шеф-редактора «[Сонар-2050](#)», политолога и друга нашей программы, насколько я смею надеяться, никак не обойтись.

Семён Сергеевич, доброе утро.

Семён Уралов. Доброе утро, дорогие товарищи и друзья, рад слышать.

СС. Семён Сергеевич, отправился в защитном комбинезоне во вражеский «Дурограм», и там, пробираясь сквозь дебри продажных женщин, люксовой недвижимости, забавных животных, которые поют человеческими голосами, и прочей дури, призванной скрасить тупые будни обывателю иностранному, вдруг наткнулся среде этого великолепия... А там же такая система? Ты на что-то подписан, на какие-то вещи, и система периодически тебе вбрасывает алгоритмы, что-то такое, что ты не ожидал увидеть, но на что они хотят обратить твоё внимание. И вдруг, смотрю, всплывает реклама самая настоящая в нескольких фотографиях, которая призывает, там было так написано, что это касается англичан, канадцев, и, я так понимаю, вообще всех европейцев, достаточно серьёзная прокламация с призывом отказываться от услуг американской корпорации Google, отказываться от Google-почты, от Google-карт. Там ещё занята была история, что, мол, один раз скачайте и больше не пользуйтесь, не заходите во всякие Google-сервисы. Переключиться надо на некий Proton, я так понимаю, какой-то суверенный британский или европейский.

В общем, я понял, что нужно тут же бежать к Семёну Сергеевичу. Что происходит? Понятно, что это за один день не делается. Невозможно создать поисковик или целую систему, целую среду с почтой, со всеми делами, как Google, за один день. Тем не менее, реклама этих систем — это в некотором смысле отказ от американских услуг, поскольку напуганы демонстрацией возможного отключения Starlink для Киева? Отключали или нет, мы не знаем, но сам факт, что одним щелчком, одним нажатием мышки можно лишить целый регион какого-то сервиса американского.

Как вы видите эту ситуацию с зависимостью или независимостью Западной Европы в плане этих электронных коммуникационных сервисов?

СУ. Я всё-таки диалектически предлагаю посмотреть на эту ситуацию. С моей точки зрения, в

том, что вы в «Дурограме» увидели, больше маркетинга, нежели геополитики. Дело в том, что сервис Proton, конкретно ProtonMail, он [известен] очень давно, ещё лет 10 назад среди профессионалов, среди тех, кто специализированно занимается, не айтишников, а именно тех, кто на безопасности повёрнут, он считался якобы анонимной (не безопасной, а анонимной) почтой. Это важно, не сегодня это произошло, и не сейчас родилась эта идея.

А второе, действительно имеет место надстройка геополитическая к маркетинговому моменту. Это [произошло] на фоне эмоционально-психологического раскола внутри Западного мира, между США и Старым Светом, потому что мы видим, что не только в отношении Маска (вы вспомнили Starlink), в принципе, политическая элита ведёт себя очень снисходительно, где-то издевательски по отношению к Старому Свету. Было бы странно, если бы они не воспользовались этим моментом, чтобы не задвигать свои сервисы по отношению к корпорации, явному монополисту. Тем более что святое место пусто не бывает. И если найдётся хотя бы 5-10% политически мотивированных, которые воспользуются возможностью перейти на платформу другой корпорации, [это уже неплохо]. Мы же понимаем, что

можно считать корпорацию Google чем угодно — руками Запада, агентами ЦРУ, но по факту это частная корпорация, которая живёт с наших персональных данных, а персональные данные — это потенциальные рекламные бюджеты.

Одно тянет другое, второе тянет третье, а там речь идёт о миллиардах оборотов. Поэтому я бы предлагал с этой точки зрения посмотреть.

СС. Хорошо. Семён Сергеевич, а почему Европа, в принципе, не задумывалась о создании своих сервисов цифровых? У них нет даже «Одноклассников», насколько я понимаю. Уж насколько замечательная родная наша сеточка, с которой многое начиналось, с благими намерениями встретить тех, кого не видел давно, и убедиться, что не хочешь видеть впредь. Я иронизирую. Но, тем не менее, почему они в этом направлении совершенно не производили никаких телодвижений? Это же сфера бизнеса, как вы сказали.

СУ. Я думаю, что они, в принципе, проиграли телекоммуникационную гонку где-то в начале 2000-х годов, тогда же, когда вышли с рынка [некоторые компании]. Я напому, это не будет рекламой: когда начался первый этап, ещё до интернетизации, сначала начался этап «мобилизации» (в кавычках). Вспомните, это финская корпорация Nokia, французские были у нас телефоны Alcatel.

СС. Ericsson был ещё.

СУ. Ericsson шведский. Например, сервис Bluetooth, который мы по сей день используем [как технологию передачи данных], в его названии закодировано имя варяжского [короля], викингский «голубой зуб», разработанный как раз в скандинавских странах [прим.: название происходит от имени датского короля Харальда I Блутуса, который был объединителем земель викингов и ввёл «единый религиозный стандарт» - христианство]. Они проиграли эту гонку именно в ходе монополизации западными корпорациями. Всегда выигрывает монополия. Поэтому сначала была проиграна телекоммуникационная гонка, а уже на втором шаге была проиграна и интернет-гонка. Но это один аспект.

А второй аспект, аспект культурный — это в ходе глобализации сначала был фактически уничтожен массовый кинематограф французский (потому что интернет — это ещё и сфера культуры), потом германский, отчасти британский, и произошла унификация всего под

Голливуд. Если мы вспомним 60-е и 70-е годы, когда ещё был жив классический кинематограф, французское кино обладало своим характером, своим профилем и очень сильно отличалось от кинематографа американского. А сейчас произошла унификация.

Кстати, по нам этот каток тоже прошёлся. У нас, вроде, русский кинематограф есть, и в последние годы как-то снимают получше. Но по большому счёту, если мы посмотрим, то сфера именно массовых коммуникаций всё равно является калькой США, потому что глобализация нещадно начала штамповать похожих друг на друга людей, массовая реклама начала штамповать одни и те же интересы, маркетинг сильно изменил наши мозги и наше мышление, мы стали хотеть одни и те же вещи, в результате всё превратилось в одну большую «макдачную». И даже когда от нас сбежала корпорация бутербродная, мы её национализировали и бренд придумали свой на русском языке, но по факту внутри система организации труда и сами бутерброды остались по такому же принципу. Мы же туда не добавили ничего особо своего. Это именно так работает глобализация.

СС. Семён Сергеевич, какое забытое слово — бутерброды. Захотелось колбасы купить.

Семён Сергеевич, а может ли быть цифровая среда выстроена не по американскому лекалу, условно говоря?

СУ. Может быть.

СС. А вы видите картину осязаемую? Какой она может быть, чтобы не быть такой же, как западная глобальная?

СУ. Этот пример у нас сейчас демонстрирует только Китайская Народная Республика. Это единственная мировая культура, которая смогла противостоять и создать свою альтернативу. Но она принципиально по-иному устроена. Если мы заглянем чуть-чуть внутрь того, как это всё в Китае устроено, то там принципиально иной взгляд.

СС. Самое главное принципиальное отличие, если можно (полминутки у нас до рекламы).

СУ. Это в первую очередь опора на собственную культуру. Это как китайские мультики, если мы посмотрим. Нам-то они, может, не очень понятны. Но они апеллируют к своим образам, к своим метафорам, к своей мифологии. То, что у них там — этот Царь обезьян, но оно воспроизводится, в том числе. То есть взята форма, медиа-форма и культурная форма, но внутри лежат совершенно иные архетипы, стереотипы.

СС. То есть во главе такой корпорации должен стоять человек с российским, с русским мировоззрением. Я понимаю.

Семён Сергеевич Уралов, шеф-редактор «Сонар-2050». Европейцев призывают уходить из Google. После рекламы продолжим.

Голос за кадром. Сергей Стиллавин и его друзья на «Маяке».

СС. Друзья мои, итак, я случайно заметил, что европейцев призывают уходить из Google, из сервисов американских, глобальных. С нами Семён Сергеевич Уралов, шеф-редактор «Сонар-2050», политолог.

Семён Сергеевич, вы привели в пример китайскую суверенную систему, там и система оплаты, и вообще, эта китайская среда обо всём сразу, и соцсети, и платёжные банковские инструменты, как я знаю. Но если представить нашу повседневную жизнь, и если бы, условно

говоря, наша цифровая среда, наш «Яндекс» был бы нашим (я так иронизирую), в чём наше общение со смартфоном было бы другим? Как эти алгоритмы себя с нами вели бы сейчас? Вы представляете себе это на нашей российской почве?

СУ. Алгоритм — это же всё-таки программируемая история. Что ты настроишь, то он тебе и будет выдавать. Всё-таки это не только логос, но и этос, логика и этика между собой взаимосвязана. [Всё зависит от того], что ты хочешь положить в голову людей. Если ты их считаешь потребителями, ты их будешь кормить дрянью, и алгоритмы тебе будут выдавать такую дрянью. А если ты их хочешь воспитать, если ты хочешь посеять разумное, доброе, вечное, то алгоритмы, например, популяризовали бы литературу, пользу чтения, развитие. ЛОМами становился бы, грубо говоря, не рэпер, и мы наблюдали бы сейчас не [развод](#) этого рэпера непонятно с кем, а ещё больше бесед Дмитрия Юрьевича [Пучкова](#), например, нашего общего знакомого, и не только, [Егора Яковлева](#), ещё кого-то.

Я вчера буквально приступил к [разбору](#) «[Золотого телёнка](#)» с комментариями, в широком контексте.

СС. Семён Сергеевич, а в это время выходит исследование новое, которое говорит, что пребывание на маркетплейсе «Дикая ягода» и «Кислород» стало частью досуга граждан, а вовсе не просмотр лекций Семёна Уралова о том, что же зашифровано в «Золотом телёнке» авторами сто лет тому назад.

Семён Сергеевич, всё понимаю, не могу отказать себе в удовольствии спросить вас, поскольку свежее событие, мы не договаривались заранее, но вы человек экспромта, как и я, и тем более вы политолог. Ваши комментарии, если можно, [по Сербии](#). Мы, конечно, в эфире с балканистами эту тему обсудим отдельно, но я бы хотел и ваш взгляд. Понятно, что [Вучич](#) хотел [усидеть на двух стульях](#), как всегда с этими восточноевропейскими ребятами бывает. Может быть, и в Африке такие есть. Но что случилось там, какие перспективы, как вы оцениваете?

СУ. Во-первых,

наивно требовать от любой страны, у которой нет общей границы с Россией, какой-то пророссийскости.

Это очень сложно. А по поводу [новых](#), которые пришли к власти, это всё-таки коалиция, поэтому

надо смотреть в ближайшие три-четыре месяца, кто именно будет назначен на посты в исполнительной власти, в первую очередь — на посты службы безопасности (силовики) и по экономике.

А дальше биография любого персонажа позволяет понять, как он будет действовать, насколько это соросятня, насколько это выкормыши западных фондов, как на это [напирает Вучич](#). Вообще

не обязательно, что эта коалиция пойдёт по такому откровенно прозападному пути, потому что балканские страны и восточноевропейские могут кинуть. И кинуть

могут не только нас,

потому что одно дело — гуртом батьку бить, то есть сносить политика, который погряз и в многовекторности, и в клановости, [и совсем другое — идти против настроений в обществе].

Точно так же это произошло в Венгрии с [Орбаном](#). Мы-то на него смотрели как на геополитического игрока, и нам было важно, как он балансирует. А венграм, обществу, просто надоело, что его зять стал олигархом за 20 лет его правления, и вообще вся семья и друзья сидели на господрядах. Они в первую очередь поэтому [Орбана](#) отодвинули от власти. Но как мы увидели, тот же [Мадьяр](#) (я специально привожу в пример Венгрию, где произошла пересменка), он не такой уж стал прокиевский и антимосковский, если смотреть по отношению к нашему конфликту, потому что он вынужден ориентироваться, как и любая электоральная демократия, где мнение общества имеет какое-то значение, на настроения общественное.

Сербским политикам тоже придётся на это ориентироваться, потому что я напомним, ещё в начале 2000-х, после того, как была агрессия против Югославии и изнасилование страны, когда пришли откровенно прозападные политики, вроде нашего [Яковлева](#) с [Горбачёвым](#), один из них получил пулю. Его убили. И это интересный феномен. Я считаю, он очень хорошо отрефлексирован в прекрасном фильме «[Ягódка в супермаркете](#)», рекомендую всем посмотреть. Это как раз травматический опыт Балканских войн, когда была Сербия унижена, это унижение мы не можем на себя переложить. А Сербия всё-таки прошла многократные унижения в XX веке в ходе конфликтов с Западом. И напоминаю, что и мы в [Первую мировую войну](#) втянулись именно по вопросу Сербии. Поэтому не ориентироваться на интересы общества в Сербии политики не могут. Так что я бы не нагнетал ситуацию, что прям пришла такая соросятня-соросятня.

Но может быть и вариант [Пашиняна](#), который очень долго изображал из себя тоже многовекторного, а сам в это время системно уничтожал и продолжает уничтожать любых оппонентов, которые нам союзны.

СС. Хорошо, будем исполнять завет Семёна Сергеевича.

Семён Уралов, шеф-редактор «Сонар-2050», политолог. Как всегда, ему огромное спасибо.

[Телеграм-канал Семёна Уралова](#)

[КВойны и весь архив Уралова](#)

[Группа в ВКонтakte. КВойны. Семён Уралов и команда](#)

[Бот-измеритель КВойны](#)

[Правда Григория Кваснюка](#)